

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ОРГАНИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА СОВРЕМЕННОЙ ЛИЧНОСТИ И СОЦИУМА

Александр Алексеевич СОМКИН¹

THE PROBLEM OF SAVING THE ORGANIC INTEGRITY OF CONTEMPORARY PERSONALITY AND SOCIETY Alexander A. SOMKIN

РЕЗЮМЕ. Статья посвящена проблеме сохранения целостности личности и общества. Главным ценностным принципом, лежащим в основании такого единства, является идея социальной справедливости, поминаемая как образ справедливого общественного (государственного) устройства. Реализация этого принципа лежит в соответствии теоретических (идеальных) представлений с социальной практикой в следующих ключевых сферах: государственно-правовой (соответствие между гражданскими правами и обязанностями личности), социально-нравственной (между конкретным поступком и общественным мнением) и финансово-трудовой (между трудом и материальным вознаграждением).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: личность, социум, общественные отношения, аксиологический подход, органический подход, социальное единство, социальная справедливость, равенство, неравенство, долг, мораль, гражданское общество.

ABSTRACT. The article is devoted to the problem of saving the integrative wholeness of personality and society. The main value principle which is put in the basis of such kind of unity is the idea of social justice interpreted as the image of fair social (state) settlement. The realization of this principle lies in the following key spheres: state and legal (as accordance between civil rights and duties of a person), social and moral (between a concrete act and public opinion) and financial and labour (between labour and its material reward).

KEYWORDS: person, society, social relations, axiological approach, organic approach, social cohesion, social justice, equality, inequality, duty, morality, civil society.

Содержание

Введение

1. Основные подходы к исследованию проблемы единства личности и общества и их методологическая ограниченность
2. Аксиологический подход как базовый инструмент экспликации органического единства целостных социальных систем
3. Социальный российский праксис как дисгармонизация общественных взаимосвязей (вместо заключения)

¹ Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, Саранск.

SYNOPSIS.

The article analyzes the problem of preservation of the organic unity of modern personality and society, as opposed to two historically developed interpretations of social organization – only personally oriented (primary in relation to society proclaimed interests of the individual, his personal rights and freedoms) and only socially oriented (to the fore the interests of society with the almost complete neglecting the interests of certain people).

As a basis for the preservation of this unity is offered the fundamental principle of justice, proposed by Aristotle and still is a universal criterion for determining the stability of the social system. As people act as “co-organizers” of social reality, the extent of their legitimate inequality in employment and position complete the structure of their social space (division of labor, government, etc.). The main problem is a reasonable combination of equality and inequality in social practice.

The mathematical formula of justice will be a proportion between the four members, where the ratio of individuals or of social groups *A* and *B* are the same, what is the ratio of benefits they receive *a* and *b*. A fair society is the essence of which is able to find a moral measure of the distribution of rights and responsibilities among completing its individuals, which suits the greatest number of people (especially those whose share falls most hardship).

The modern concept of social justice includes polar concepts of the idea of justice based on the principle of world organicity – injustice, equality – inequality, due – improper, right – duty, and mercy – punishment. On the basis of this principle, there are three basic spheres of practical application of the concept of social justice: the psychological, legal, social and economic. It is noted that this concept is not limited to any of these areas of social life, but on the contrary, it was originally based on a generalized moral assessment of social structure of a society, i.e., recognized its moral primacy over all other spheres of social life, in which it finds its real embodiment in the specific principles – the legal equality of all before the law, equal distribution of economic goods (in accordance with the merits), a high level of social protection, etc.

One of the key obstacles to the construction of social organization on the principles of justice are the so-called institutional traps in Russian society – inefficient but stable social institutions and norms of behavior inherited from the USSR: 1) equality trap (equalization) and 2) a trap of state paternalism. Overcoming them must be accompanied by government policies for improving the socio-economic security of the population, for easy removal from the government itself of all obligations with respect to its people; it will lead to the other extreme side – the deep polarization of the country for rich and poor. To carry out this possible, in particular on the principles of humanistic oriented (as opposed to modern acquisitive market model of economic relations) functionalist-organic information economy. Therefore, the basis of Russia's transition to an open civil society, should be based, above all, spiritual and moral reformation and creation of a new humanistic social values in their organic unity of both the individual and social levels.

РЕФЕРАТ.

В статье анализируется проблема сохранения органического единства современной личности и общества, в противоположность двум исторически сложившимся трактовкам общественного устройства – *персоноцентричному* (первичными по отношению к обществу провозглашаются интересы индивида, его личные права и свободы) и *социоцентричному* (на первый план выходят интересы общества при почти полном пренебрежении интересами конкретных людей).

В качестве основы сохранения такого единства предлагается исходить из принципа справедливости, предложенного ещё Аристотелем и представляющим собой универсальный критерий для определения устойчивости социальной системы. Поскольку люди выступают в качестве «соорганизаторов» социальной реальности, постольку легитимно их неравенство в занятиях и положении, составляющих структуру учреждаемого ими социального пространства (разделение труда, органы управления, и т.д.). Главная проблема состоит в разумном сочетании равенства и неравенства в общественной практике.

Математическая формула справедливости будет представлять собой пропорцию между четырьмя членами, где соотношение лиц или социальных групп *A* и *B* такое же, каково соотношение получаемых ими благ *a* и *b*. Справедливое общество суть такое, которое способно найти такую нравственную меру в распределении прав и обязанностей между составляющими его индивидами, которая устраивает наибольшее число людей (особенно, тех, на чью долю выпадает больше всего тягот).

В современную трактовку социальной справедливости на основе *принципа органичности* устройства мира включаются и *полярные концепты идеи справедливости* – несправедливость, равенство – неравенство, должное – недолжное, права – обязанности, милосердие – наказание. На основе такого подхода выделяются три основополагающих сферы практического приложения понятия социальной справедливости: *психологический, правовой, социально-экономический*. Отмечается, что данное понятие не сводится ни к одной из этих областей жизнедеятельности общества, а напротив, изначально оно основывается на обобщённой нравственной оценке социального устройства того или иного социума, т.е. признаётся его моральная первичность по отношению ко всем другим сферам социального бытия, в которых оно находит своё реальное воплощение уже в конкретных принципах – правового равенства всех перед законом, равного распределения экономических благ (в соответствии с заслугами), высокого уровня социальной защищённости и т.д.

Одним из ключевых препятствий на пути строительства общественной организации на принципах справедливости в российском обществе являются так называемые институциональные ловушки – неэффективные, но устойчивые социальные институты или нормы поведения, доставшиеся в наследство от СССР: 1) ловушка равенства (уравниловки) и 2) ловушка государственного патернализма. Их преодоление должно сопровождаться государственной

политикой в области повышения социально-экономической защищённости населения, ибо простое снятие с себя правительством всех обязательств по отношению к своему народу приведёт к другой крайности – глубокой поляризации страны на бедных и богатых. Осуществить это возможно, в частности на принципах гуманистически ориентированной (в противовес современной стяжательской рыночной модели экономических взаимоотношений) функционалистско-органической информационной экономики. Поэтому в основе перехода России к открытому гражданскому обществу должно лежать, прежде всего, духовно-нравственное реформирование и созидание новой гуманистической системы социальных ценностей в их органическом единстве как на индивидуальном, так и социальном уровнях.

ОСНОВНОЙ ТЕКСТ СТАТЬИ

«Наступит золотой век, и люди будут жить без законов и принуждения, совершенно добровольно творя добро и справедливость».

Публий Овидий Назон

Введение

Проблема сохранения и укрепления единства личности и общества издревле волновала лучшие умы человечества. Со времён Платона и Аристотеля люди мечтали об идеальном общественном устройстве, при котором каждый найдёт своё достойное место и получит заслуженное вознаграждение и общественное признание. Однако какая идеологическая конструкция (читай – ценностная система) должна лежать в основании такого жизнеустройства и где проходит тот разумный баланс между личными притязаниями и общественными обязанностями, следуя которым можно было бы достичь всеобщего благоденствия, так до сих пор и не определены.

В решении этой задачи человечество постоянно впадает в крайности, – либо индивидуализма (свобода и интересы индивида выше общественных), либо коллективизма (личное подавляется и подчиняется социальному целому). Нередко личность и общество противопоставлялись и сопоставлялись, как равные и однопорядковые величины. Поэтому, либо преобладало принижение личности, рассмотрение её как продукта социальной или биологической среды, или, наоборот, расширение границ личной свободы понималось как произвол, отрицание целесообразности и закономерности в природе и обществе. При этом человек оказывается либо придавленным и гибнущим под напором безличных сил, либо в роли абсолютного творца своей судьбы.

Минувший XX век наглядно продемонстрировал, что ни капиталистический, ни социалистический проекты не смогли создать условия для гармоничного развития личности. Более того, в условиях «холодной (главным образом – «идеологической») войны», данные типы сообществ

стремились, каждое по-своему, нивелировать личность, подчинить её экономической целесообразности или «зажать» её в рамках социального целого, снизить её социальную активность в условиях «враждебного» капиталистического или социалистического окружения. Поэтому не случайно на протяжении двадцатого столетия возникали движения протеста (например, студенческие волнения в Европе в 1960-е гг., хиппи в США, стилиги и диссидентское движение в СССР в 1960 – 1970-е гг.). Несмотря на различные по форме протесты на Западе и в Советском Союзе, люди стремились доказать, что личность, и не противостоит социальному целому как его отдельная часть (социальный атомизм), и не растворена в массе общественных явлений (абсурдный коллективизм), а представляет собой субстанциальную (объективную) сущность, обладающую полным правом на самостоятельное (самодетальное) существование, формирующую и раскрывающую свою личностную самость через поступки и общение с другими людьми («Другие Я»).

И здесь возникает закономерный вопрос: а возможно ли вообще органичное единство личности и общества? На наш взгляд, для ответа на данный вопрос необходимо, во-первых, предложить некий безусловный (на данном этапе исторического развития) философский принцип, который будет служить идеологическим обоснованием такой гармоничной социальной организации (целостности), приемлемый для обеих сторон (и личности, и общества в целом) и, во-вторых, на его основе раскрыть диалектику их взаимоотношений.

1. Основные подходы к исследованию проблемы единства личности и общества и их методологическая ограниченность

В настоящее время не выработано терминологического единого определения понятий «личность» и «общество». Очевидно, что как объекты социально-философского исследования данные феномены крайне сложны и многогранны, поэтому очень трудно, если вообще возможно учесть всё многообразие составляющих их компонентов. Отсутствие же в западноевропейской и отечественной философских традициях универсального концептуального подхода говорит об односторонности представлений о данных феноменах.

Раскрывая существенные признаки личности и общества, философы и социологи выдвигали на первый план такие, которые, по их мнению, являются системообразующими. Все остальные признаки сводились к первым. Во многом благодаря редукционистскому подходу и сегодня обнаруживается такое многообразие в представлениях о взаимосвязях личности и общества.

Так, представители *натуралистического подхода* объясняют социальные явления на основе действий природных закономерностей: физический, географический, биологический и др. детерминизм. Человек низводится ими до уровня исключительно природного существа, чьё поведение жёстко включено и обусловлено цепью природных причинно-следственных связей. Здесь нет места самодетальной свободе, а объяснение социальных явлений принимает

фаталистические черты (например, «ход истории и судьбы народов определяются ритмами Космоса и солнечной активности» – А. Чижевский, Л. Гумилёв; «всё происходит с необходимостью» Т. Гоббс, Ж. Ж. Руссо). В качестве цементирующего начала личности и общества берётся либо польза (просветители XVII – XVIII вв.), либо природные инстинкты (Л. Фейербах). При этом не ясно, откуда в личности возникают морально-нравственные принципы, не выводимые из биологической природы самого человека.

В идеалистических концепциях утверждается, что развитие общества полностью подчинено провидческой активности мирового разума (Высшего Абсолюта) (идеалистические построения Дж. Локка, Д. Юма, С. Кьеркегора) или волевой активностью самого человека (Г. Гегель, Э. Мунье, Ж. П. Сартр). В первом случае в понимание взаимосвязи личности и общества привносится неизбежная предопределённость (и, как следствие, отрицание свободы, в том числе, и свободы выбора; они «обречены» следовать установленным свыше предначертаниям); во втором, – обосновывается чисто субъективистское понимание процесса исторического развития общества и человека; как, следствие, их единство представляет собой суммирование множества индивидуальных субъектов, механически включённых в социальное целое.

Сторонники *структурного функционализма* рассматривают общество как систему, существование частей или подсистем которой функционально оправдано в интересах структуры целого. Сохранение единства личности и общества возможно только через увеличение максимальной функциональности и гармонизацию человеческих потребностей и установок в соответствии с культурно-нормативными образцами (М. Вебер, Т. Парсонс, Р. Мертон). Однако в таком понимании культура занимает вторичное, подчинённое положение).

В *воспроизводственной концепции* (основы которой были заложены ещё в диалектическом материализме К. Маркса) в качестве основания единства личности и общества выдвигается процесс социального воспроизводства, в котором общество, посредством формирования составляющих его личностей, воспроизводит самое себя. Механизмом развития общества выступает закономерное повышение уровня потребностей, согласно которому удовлетворённые интересы порождают ещё более высокие нужды, которые, в свою очередь, служат толчком к новому производству (А. Турен, В. Я. Ельмеев).

В *концепции устойчивого развития* единство индивида и социума связывается с удовлетворением основных жизненных потребностей и с сохранением таких возможностей для будущих поколений (что особенно актуально в последнее время из-за нарастания глобальных проблем). Её цель – сформулировать теоретическую модель и стратегию комфортного существования человека и человечества (В. А. Лось, А. Д. Урсул).

Представители концепции *«информационного общества»* исходят из постулата о всеохватывающей информатизации социальных структур, чей высокий уровень развития обеспечивает связь индивида и социума (Д. Белл, Д.

В. Иванов, К. К. Колин, Э. Тоффлер и др.). Ценность человеческой деятельности и её продуктов определяется тем качеством информации, которое в ней воплощено. При таком подходе индивид включается в систему общественных связей не как самоценная личность, а как средство получения, переработки и передачи информации. Например, трактовка общества известным западным философом и социологом Н. Луманом как некоего целого, состоящего из коммуникативных актов и информационных процессов, имеет ярко выраженный холистский характер: в ней даже речь не заходит об индивидах. Для него социальные системы – сеть коммуникаций, непрерывно регенерирующая свои элементы и саму сеть [Luhmann N., 2001, s. 119–121]. В таких системах власть, деньги, свобода, ответственность, долг и т.д. играют роль кодов, организующих и катализирующих протекание коммуникации. Однако подобный механицизм бессилён раскрыть сущность этих социальных кодировок, в которых присутствует ещё и глубоко индивидуальный смысл, обусловленный ценностными предпочтениями конкретной личности.

Многие современные западные исследователи (У. Бек, Г. Бехман, М. Клопфер, К. М. Майер-Абих, Ф. Эвальд и др.) рассматривают современный социум как *общество риска*, который выступает спланивающим фактором для индивидов, стремящихся обезопасить себя при помощи социального целого. Отталкиваясь от понятий социальных риска/безопасности, авторы приходят к выводу о том, что их сущность относительна и зависит от того, в какой ценностной системе они рассматриваются. При этом их анализ не затрагивает таких ключевых феноменов бытия человека, определяющих характер и направленность его отношений с социумом, как *свобода* (возможность совершать самостоятельный выбор, связанный с социальными рисками) и *ответственность* (способность предвидеть возможные последствия принятых решений).

Не дают удовлетворительного ответа и *формально-социологические теории* (Г. Зиммель, Р. Парк, Ф. Тённис и др.), изучающие взаимосвязи человека и общества с позиций включенности индивида в социальные группы и степени кооперации или конфликтности в них. Ориентация лишь на внешние признаки социальных отношений, без учёта их содержания (принципиальное разделение формы и содержания и рассмотрение первой как общесоциологической категории), ведёт к статичному пониманию общественных явлений, не объясняющих их причинности.

В целом признавая методологическое значение данных перспективных направлений социально-философской мысли для раскрытия фундаментальных основ общественной жизни, мы, вместе с тем полагаем, что в них недостаточно внимания уделяется важности ценностных ориентаций в системе «личность – общество». Рассмотрение процесса социального воспроизводства, составляющего сущность жизнедеятельности социума и играющего ключевую роль в объяснении принципов его функционирования, в отрыве от ценностных установок, несколько обедняет и сужает эвристический потенциал вышеуказанных теорий. Сегодня можно констатировать тот факт, что

воспроизводство прежних общественных отношений, в рамках которых человечество оказалось на пороге гибели, не могут стать основой выхода из кризиса. Необходима ценностная переориентация от прежних только индивидуалистических и только коллективистских приоритетов к их гармоничному сочетанию на основе новых общечеловеческих ценностей.

2. Аксиологический подход как базовый инструмент объяснения органического единства целостных социальных систем

Ценность есть нечто всепроникающее, определяющее смысл и всего мира в целом, и каждой личности, и каждого события, и каждого поступка.

Н. О. Лосский.

Острый интерес к проблеме единства личности и социума в настоящее время обусловлен постоянно растущими темпами научно-технического и общественного развития, среди которых основную роль играют такие факторы, как:

✓ переход от индустриального общества к высокотехнологичному информационному (high tech) социуму, в условиях которого значительно возрастает роль конкретной личности, её индивидуальности, способности к творчеству, созиданию и освоению нового (вместе с тем, необходимо помнить, что в значительной мере это касается только развитых стран при сохранении технологической отсталости большинства стран третьего мира);

✓ рост открытости и демократизация современного общества сопровождаются расширением прав и, как следствие, обязанностей отдельного человека. Новая парадигма ценностного мышления формируется в направлении признания приоритета общечеловеческих гуманистических ценностей, прав, свобод и достоинства каждой личности, в рамках которой иначе (острее) чем прежде, ставятся проблемы выбора и ответственности за него (вместе с тем, изменение ценностной системы происходит на фоне серьёзных провалов: так, в частности, Европа отказывается от идей мультикультурализма; по всему миру отмечается нарастание экстремистских и террористических угроз; при этом президент США с трибуны вещает об американской исключительности и т.д.);

✓ обострение глобальных проблем современности и, как следствие, рост влияния человеческого фактора (роли конкретной личности) на общественные преобразования. По-новому формулируются проблемы взаимоотношения человека, природы и космоса: постулируется личностная ответственность каждого человека за состояние окружающей среды, в которой он обитает (вместе с тем, наблюдается активная милитаризация космоса; интенсивный рост загрязнения окружающей среды, вызванный бурным развитием промышленности в развивающихся странах (в том числе из-за переноса

грязных производств из развитых стран) и безудержным потребительством² развитых стран при нищете всего остального мира и т.д.);

✓ усиление протеста против глобализации, понимаемой и осуществляемой, прежде всего, как вестернизация; против несправедливой эксплуатации развитыми странами стран третьего мира; против неолиберальной внутренней политики внутри самих развитых демократий и др.

✓ возникает множество новых точек напряжённости, раскалывающих общество на части (из самых кризисных можно упомянуть раскол, например, по линии бедные / богатые; отношения к однополым бракам; иммиграции; росту «горячих» точек и др.).

Поэтому, на наш взгляд, осуществлять поиск основ единства личности и общества нужно в ином направлении. Впервые в истории реальность самоуничтожения заставляет нас осознать себя целостным субъектом социокультурного бытия в рамках мирового сообщества.

«В эпоху мировых войн и взаимной конфронтации человечество пыталось на основе военно-промышленного превосходства с позиции силы навязывать ту или иную субъективную трактовку справедливости более слабым. Каждая из противоборствующих сторон выступала под лозунгом «защиты» и «восстановления справедливости»; у каждого была своя «справедливость», диаметрально противоположная мнению любых оппонентов, при этом более убедительной считалась та позиция, которая опиралась на более мощные социально-идеологические и военно-технические ресурсы в конкретных политических обстоятельствах. История безуспешно и неоднократно демонстрировала тупиковость подобного пути, его опасность в глобальном масштабе. Назрела необходимость найти более адекватное выражение справедливости, отказаться как от излишнего объективизма, так и от субъективного самомнения, необоснованного чувства собственного превосходства (националистические и нацистские интенции) над окружающими» [Старжинский В. П., Мушинский Н. И., 2016, с. 185].

На наш взгляд, мировоззренческим фундаментом этого процесса могут выступить принципы «глобального гуманистического антропоцентризма», направленные на гармонизацию социальных отношений, трактуемых в новом общечеловеческом смысле, отвергающем всякое расовое, национальное, классовое, групповое и т.д. деление, превосходство или исключительность.

Такое понимание предполагает осмысление связи индивида и социума с совершенно иных позиций: и не как множества представителей биологического рода; и не позитивистско-натуралистическое сведение человека к индивидуалистическому «Я», противостоящему множеству «Я» других людей; и не социологизаторское растворение его в социальном целом; а *аксиологически* – т.е. как носителей высших и непреходящих ценностей, объединяющих людей в

² В настоящее время речь уже ведётся не просто о потребительстве (consumption), а о «протребительстве» (prosumption) – потреблении сверх всякой разумной меры.

одно целое, при всех различиях частных ценностных предпочтений отдельных народов, социальных слоёв и групп общества, религий, поколений и т.д.

Поэтому акцент необходимо делать не на различии, а на том общем, что присуще всему человечеству. Лишь двигаясь в этом направлении, можно выработать *единое гуманистическое мировоззрение*, развивая общечеловеческое сознание как личностное, а личностное – как общечеловеческое, тем самым преодолевая исторически ограниченный редукционизм ценностных ориентаций индивида либо к социальным ценностям (общинным, государственным, коллективным, партийно-классовым и т.д. – в монархической и советской России), либо к ценностям эгоцентрического индивидуализма, отвергающего всё, что находится вне интересов замкнутого в себе «Я» (западное общество).

Аксиологический подход рассматривает человека как высшую ценность общества и цель общественного развития. Человек живёт в состоянии мировоззренческой оценки происходящих событий, он ставит перед собой задачи, принимает решения, реализует свои цели. При этом его отношение к окружающему миру (обществу, природе, самому себе) связано с двумя ценностными ориентациями – практической и абстрактно-теоретической (познавательной). Роль связующего звена между ними и выполняет аксиологический (ценностно-оценочный) подход.

К основополагающим аксиологическим принципам традиционно относят:

- ✓ равнозначность всех философских взглядов в рамках единой гуманистической системы ценностей (при сохранении разнообразия их культурных и этнонациональных особенностей);
- ✓ равнозначность традиций и творчества, признание необходимости изучения и использования учений прошлого и возможности новых открытий, как в ближайшей перспективе, так и отдалённом будущем;
- ✓ равенство людей, прагматичный конструктивный (взаимно обогащающий) диалог вместо споров о приоритете чьих-либо ценностей; диалог вместо безразличия, отрицания или подавления друг друга.

Кроме того, для решения задачи, поставленной в данной работе мы будем опираться и на принципы *социокультурного подхода*, в основании которого лежит представление о том, что любой социальный субъект – от личности до общества в целом со всеми промежуточными ступенями между ними в виде разноуровневых (малых и больших) социальных групп (сообществ) – функционирует в рамках своей субкультуры, которая и содержит программу деятельности соответствующего социального агента. Она (данная программа) может быть ориентирована либо на поддержание равновесного состояния данной социальной системы, либо на его изменение и трансформацию. В процессе социализации и аккультурации человек усваивает определённые нормы поведения, т.е. превращает (интериоризирует) внешнюю по отношению к себе культуру и её ценности в содержание своего сознания, свою личностную культуру и ценностные ориентации. Таким образом, социальные качества становятся личностными качествами человека, и продолжают уже жить в

языке, в способах практической деятельности, отношении к себе и миру, и т.д. (П. Бурдые, П. Сорокин).

Очевидно, что вне человека и без человека понятие ценности существовать не может, т.е. ценности всегда носят *социальный характер*. Они представляют собой особый человеческий тип значимости предметов и явлений, формируемый на основе общественной практики, индивидуальной деятельности и в рамках определённых конкретно-исторических общественных отношений и форм общения людей. Они не возникают спонтанно и не вкладываются в человека извне, но формируются в процессе, как мы говорили выше, его социализации, аккультурации и имеют динамический характер, т.е. они производны от соотношения мира и человека.

Разделяя точку зрения профессора Д. Е. Фролова, мы будем понимать под социальными ценностями «совокупность всех первичных ценностных реальностей, а также ценностных отношений и норм, которые являются предметами потребления тех или иных социальных субъектов на определённом этапе исторического развития общества» [Фролов Д. Е., 1994, с. 21].

Ценности сами по себе, по крайней мере, основные из них, остаются постоянными на разных этапах развития человеческого общества. Такие ценности, как жизнь, здоровье, любовь, мир, красота, творчество и т.д., являются значимыми для человека во все времена. Гуманистические начала, утверждение самоценности человеческой личности, уважение к её правам, достоинство и свободу нельзя привнести в общественную жизнь извне. Процесс социального развития – это процесс постепенного роста и вызревания этих начал в каждом отдельном человеке.

Играя роль связующего звена между познавательным и практическим отношением к миру (теорией и практикой), аксиологический подход эксплицирует содержание оценочно-целевого и действенного аспектов жизнедеятельности как детерминированных направленностью активности личности на осмысление, признание, актуализацию и создание материальных и духовных ценностей. В центре аксиологического мышления находится концепция взаимозависимого, взаимодействующего мира. Она утверждает, что наш мир – это мир целостного человека, поэтому важно научиться видеть не только то общее, что объединяет человечество, но и что характеризует каждого отдельного человека. Рассматривать социальное развитие вне человека – значит отделить мышление от его гуманистического фундамента. Именно в контексте такого мышления гуманизация представляет глобальную тенденцию современного социального развития, а утверждение общечеловеческих ценностей составляет его содержание.

Как известно, истоки современной западноевропейской «персоноцентричной» цивилизации уходят корнями в античную Грецию и Древний Рим, в лоне которых сформировался индивидуалистический стереотип поведения, обусловивший приоритет личных целей перед интересами социальной группы и, как следствие, самоидентификацию на основе персональных атрибуций, а не через отождествление себя с коллективом.

Сторонники такого подхода исходят из того, что неравенство выступает мощным стимулом для общественных преобразований, развития отдельных людей, социальных групп и в целом государства, а равенство – это застой, иждивенчество, губительное для прогресса. В самой общей форме это утверждение того, что в человеке доминируют биологические, точнее – эгоистические свойства (общество, в котором ведётся «война всех против всех», по Т. Гоббсу). Ведущим принципом общественных отношений выступает борьба за выживание (в современной рыночной терминологии – конкуренция).

Так, например, Дж. М. Кейнс, один из апологетов рыночной экономики, утверждает, что человечество якобы всегда выбирает между «неравным распределением богатства» (капитализм) и «равным распределением нищеты» (социализм) [Кейнс Дж. М., 2012], напрочь забывая при этом о том, каким образом создаётся это богатство (в частности через неэквивалентный обмен и чудовищную эксплуатацию (совершенно неприемлемую для государств «золотого миллиарда») дешёвой рабочей силы в слаборазвитых странах).

Сегодня многие либеральные философы, социологи, экономисты приходят к выводу, что равные возможности не порождают способность индивида улучшить своё социальное положение. Вертикальная социальная структура становится всё более жёсткой, «законсервировавшейся», представители низших слоёв всё реже попадают в состав элиты. (Один из самых популярных в середине прошлого века социологов нелиберального направления Р. Миллс с привлечением богатого статистического материала показал процесс углубляющейся ригидизации социальной структуры в США [Миллс Р., 1959, с. 176]. Спустя полвека мы можем констатировать, что, те же самые процессы, только в более усугубленной форме происходят сегодня и в российском обществе.).

Сторонники противоположной точки зрения отдают предпочтение групповым (коллективным) ценностям, которые довлеют над индивидуальными потребностями – человек идентифицирует себя, прежде всего, со своей социальной группой (шире – социумом) (сюда относятся традиционные восточные цивилизации и Россия как особый евразийский тип цивилизационного устройства). Коллективистский подход, основан на том, что именно равенство есть главное условие существования человеческого общества. В биосоциальной природе человека преобладает, в случае должного воспитания и контроля, его социальная, а не животная сущность. Социум обязан взрастить в индивиде стремление к благородному альтруизму в противовес природным инстинктам.

Подобные утверждения с некоторыми оговорками находят всё бóльший отклик и среди сторонников либеральной точки зрения. Так, например, один из еретиков «свободного мира» американский экономист Г. Дейли, утверждает,

что устойчивая экономика «нуждается меньше в ресурсах окружающей среды, однако гораздо больше в моральных ресурсах³» [Дейли Г., 2002, с. 115].

Однако, как известно, истина лежит посередине. Не принимая ни одну из рассмотренных выше точек зрения в качестве единственно верной, мы глубоко убеждены в том, что в основе *органического единства личности и общества лежат*, прежде всего, *гармоничные человеческие отношения, построенные на основе идеала социальной справедливости как их главного критерия*.

«Критерий справедливости, – подчёркивает, например, В. Н. Кудрявцев, – ...представляет собой достаточно точный и очень чуткий эталон для оценки степени соответствия той или иной нормы общественным нуждам и интересам» [1989, с. 8].

Здесь закономерно встаёт вопрос о содержании самой социальной справедливости. Обладая исторически изменчивым характером, социальная справедливость раскрывает своё социальное содержание, во-первых, по отношению к своему происхождению, как продукту сознания людей, и во-вторых, к выполняемым ею основным общественным функциям (нравственному обеспечению приемлемого для общества порядка разрешения общих для него задач и проблем; использованию в качестве критерия естественных прав человека). Об этом в своих трудах говорил ещё величайший философ античности Аристотель, оставивший нам первые систематизированные размышления о причинах утраты государственной властью легитимности и последующего за этим падения. Им сформулирован категоричный постулат: «Главной причиной крушения политий и аристократий являются встречающиеся в самом их государственном строе отклонения от справедливости» [Аристотель, 2012].

Дело в том, что все люди равны в качестве «сотворцов» или «соучредителей» социальной реальности. Сам факт учреждения состоит в легитимации неравенства занятий и положений, организующих структуру учреждаемого социального пространства (разделение труда, органы управления, и т.д.). Проблема состоит в разумном (читай – органичном, по Аристотелю) сочетании (балансе) равенства и неравенства. Для характеристики общественного устройства Аристотель выделил два вида (формы) справедливости, составляющих фундамент всех последующих теорий справедливости: *распределительная*, или дистрибутивная справедливость и *уравнивающая*, или ретрибутивная справедливость. Они представляют собой способы распределения общественных благ, которых, естественно, не хватает

³ Интересен тот факт, что подобные утверждения подтверждаются, например, ... докладом Всемирного банка «Мировое развитие – 2006». В нём ключевая роль отводилась *справедливости* в связи с тем, что она во многих случаях *стимулирует* более крупные и эффективные инвестиции, что, в свою очередь, приводит к ускорению *экономического роста* (Доклад Всемирного банка «Мировое развитие: 2006 г.» / [Электронный ресурс]. – Саранск, [2009]. – Режим доступа: <http://econ.worldbank.org/wdr/wdr2006/>). (курсив наш. – А. С.).

на всех, кто на них претендует, и которые в принципе не могут быть распределены так, чтобы кого-то не обделить.

Если попытаться вывести математическую формулу справедливости, то она будет представлять собой пропорцию между четырьмя членами, где соотношение лиц или социальных групп, скажем, A и B такое же, каково соотношение получаемых ими благ a и b. Тогда, справедливое общество суть такое, которое способно найти нравственную меру в распределении прав и обязанностей между составляющими его индивидами. Нравственной же может считаться только такая мера, которая устраивает наибольшее число людей и на которую, что особенно важно, имеется согласие тех, на чью долю выпадает нести больше всего трудностей ради общего блага.

Различие между распределительной и уравнивающей справедливостью состоит в том, что распределительная справедливость есть распределение благ (материальных вещей, славы, почестей и др.), а соответственно, и обязанностей с учётом *достоинства* лица, т.е. в зависимости от его вклада в общее дело в масштабе общества. Существует три основных исторически выработанных принципа распределительной справедливости: каждому – то же самое (всем поровну); каждому – по заслугам и каждому – по потребностям. Основным в рамках современных обществ является принцип «каждому – по заслугам» (типичные примеры – заработная плата в зависимости от количества и качества труда, распределение наград в зависимости от боевых подвигов и т.д.).

В случае уравнивающей справедливости достоинство индивида не принимается во внимание. Здесь речь идёт в основном о двух типах общественных отношений, названных Аристотелем произвольным и непроизвольным обменом: об обмене вещей и о наказаниях. Обмен вещей является справедливым в том случае, если он осуществляется в соответствии с их действительной ценностью. Преимущественным пространством уравнивающей справедливости является рынок, на котором не имеет значения кто продавец и покупатель, а важно, *что* продаёт первый и *сколько* платит второй.

Таким образом, распределяющая справедливость задаёт нравственно-регулятивные основы общественных отношений главным образом в их коммунальном, межличностно выраженном аспекте, а уравнивающая – в деловом, объективированном аспекте.

Исторически конкретные социумы, как правило, отдают преимущественно предпочтение какой-либо одной форме справедливости (например, феодальное и социалистическое общество отдавали приоритет распределяющей справедливости, буржуазное общество – уравнивающей справедливости), но, тем не менее, в каждом из них представлены обе эти формы. Оптимальное, соответствующее достигнутому уровню развития данного общества сочетание этих форм справедливости в целом и применительно к отдельным фрагментам межчеловеческих отношений имеет решающее значение для определения меры справедливости в нём.

В связи с этим приходится признать неудовлетворительным понимание механизма сохранения единства личности и общества, предлагаемое как в либерально, так и социоцентристских концепциях. В первых акцент смещается в сторону обеспечения справедливости для отдельной личности в ущерб общим интересам. Во-вторых, – во главу угла помещается идеал общественной справедливости для всех, вопреки индивидуальным интересам и потребностям. Такое положение не только не способствует преодолению негативной напряжённости между личностью и обществом, но, напротив, стимулирует её усиление [Сомкин А. А., 2010, 228–229].

Органический подход к пониманию сущности социальных явлений, постулирующий неразрывную связь всего со всем: от микро- до макроуровня, предполагает преодоление существующего разрыва на основе органичного включения в социокультурную трактовку понятия *справедливости* и полярных понятий *несправедливости*, *равенства* и *неравенства*, *должного* и *недолжного*, *милосердного* и *карательного*. Только в обобщённом своём качестве, с учётом противоположных сторон и аспектов можно установить сущность справедливости и реализовать её ключевые принципы на практике. Потому что справедливость к одним (например, равное вознаграждение за равное участие в труде) с необходимостью включает в себя несправедливость к другим (например, премия за досрочно выполненную работу, в то время как остальные сделали её вовремя или с задержкой); равенство всех в чём-то одном (например, перед законом) не отменяет неравенства в одарённости, талантах, умениях и т.д.; бремя долга перед страной, в том числе, предполагает и исполнение долга и перед собой и своими близкими (например, забота о своих детях или престарелых родителях); а милосердное отношение к старшему поколению или больным людям отнюдь не снимает с государства обязанности карать за правонарушения вплоть до изоляции преступивших закон от общества.

Таким образом, современное направление общественного развития видится в гармоничном сочетании индивидуальных и социальных интересов и потребностей на основе принципов справедливости, которые включают в себя следующий ряд аспектов:

✓ психологический – восприятие распределения прав и обязанностей среди членов социальной группы или общества как справедливого («по заслугам»), обеспечивающее психологический комфорт и сплочённость в противовес ситуации социальной атомизации как следствие отвержения утверждаемого властью порядка вещей;

✓ правовой – законодательное закрепление справедливых социальных отношений в праве (гражданском, административном, уголовном и др.) в сочетании с эффективным механизмом контроля их соблюдения: все равны перед законом в противовес избирательной правоприменительной практике на основе общественного положения или финансового состояния (так называемая пенициарная справедливость);

✓ социально-экономический – предполагает равномерное распределение благ в обществе, как общей оценки состояния социума (т.е. предоставляющее минимально достойный уровень материального обеспечения для всех без исключения граждан страны на основе перераспределения благ в пользу основного числа обездоленных).

При этом следует отметить недопустимость сведения понимания справедливости к какому-либо одному из данных аспектов. Очевидно, что между правом и справедливостью есть неразрывная связь. Однако право, закреплённое в законах, есть внешняя форма выражения внутренней сущности справедливости как одной из главнейших социальных ценностей. Оно является формальным закреплением выработанной в обществе системы ценностных ориентиров. Справедливость или несправедливость права основана на принятых в данном конкретном социуме принципах справедливости.

Необоснованной также представляется попытка тотально увязать сущность справедливости с экономическим аспектом. В этом смысле показательным является определение известного американского психолога Дж. Майерса: «Справедливость (equity) – это состояние, при котором «доход» каждого участника взаимоотношений пропорционален его “вкладу”» [Майерс Дж., 2010, с. 541] (т.е. исходя из такого понимания, доходы учителей и врачей в России однозначно указывают на «ничтожность» их вклада в общественное развитие страны, или ...???). Однако, характер экономики, как известно, выстраивается на общественной системе ценностей, как регулирующем её механизме: «разруха поселяется сначала в головах», а потом воплощается в жизни и начинает воспроизводить самое себя в качестве определённых социальных и экономических устоев.

Поэтому более адекватное определение справедливости, по нашему мнению, исходит из первичности её моральной значимости. При таком подходе она трактуется как обобщённая нравственная оценка органичности общественных отношений, характеризующая как сами эти отношения в целом, так и отношение общества к индивиду, выступая одновременно общечеловеческим идеалом социального устройства. А вот осуществление принципов справедливости основывается на сочетании комплекса условий:

- ✓ равенстве всех граждан перед законом,
- ✓ на создании правовых, политических и социально-экономических гарантий жизнедеятельности человека,
- ✓ на обеспечении высокого уровня его социальной и психологической защищённости и является одной из основных задач социальной политики любого государства.

Понимаемая таким образом, социальная справедливость включает в себя соответствие по следующим основным пунктам:

- ✓ государственно-правовой критерий (соответствие между гражданскими правами и обязанностями личности);
- ✓ социально-нравственный (между конкретным поступком и общественным мнением);

- ✓ религиозно-нравственный (между деянием и воздаянием);
- ✓ социально-статусный (между социальной принадлежностью и социальным положением);
- ✓ профессионально-статусный (между профессиональной деятельностью и её общественным признанием);
- ✓ административно-статусный (между практической ролью в жизни трудового коллектива и занимаемой должностью);
- ✓ финансово-трудовой (между трудом и материальным вознаграждением);
- ✓ семейно-бытовой (между семейно-бытовыми правами и обязанностями);
- ✓ гендерный (между социальным положением мужчин и женщин);
- ✓ возрастной (между социальным положением взрослого населения, молодёжи, детей и стариков).

Определяющую роль в этом комплексе играют государственно-правовой, социально-нравственный и финансово-трудовой критерии.

Исходя из органического подхода, можно предложить и ряд принципов, руководствуясь которыми народы и государства смогут выстраивать справедливые, открытые и взаимовыгодные отношения на международной арене в долгосрочной перспективе:

- ✓ признание органической целостности и взаимосвязанности мира;
- ✓ приоритет общечеловеческих ценностей;
- ✓ отказ от применения военной силы для разрешения межгосударственных противоречий (деструктивность и опасность применения силовых методов решения конфликтов становится всё более очевидным в последнее время);
- ✓ сознательное использование нового принципа совместного выживания – принципа субсидиарности. Он гласит: «Если я в чём-то лучше тебя, то чем я могу помочь тебе» [Günzl Ch., 1992, s. 29];
- ✓ стремление, отбросив идеологические и политические стереотипы, понять сущность конфликта между Востоком и Западом;
- ✓ сознательное преодоление его с заменой парадигмы мышления [Фролов Д. Е., 1996, с. 140].

3. Социальный российский прaxis как дисгармонизация общественных взаимосвязей

«Общественный прогресс истинный – в бóльшем и бóльшем единении людей».

Л. Н. Толстой

Анализ общественно-политической ситуации в нашей стране позволяет констатировать, что общемировые тенденции весьма своеобразно преломляются на нашем социальном пространстве. Безусловно, то, что

общественные трансформации, происходящие в нашей стране, представляют собой во многом уже необратимый процесс. Однако если признать их необходимость, то очевидным становится отсутствие основательно продуманной теоретической базы и твердой практической политики по социальной реконструкции России. В силу указанных обстоятельств, изменения в общественном жизнеустройстве происходят во многом спонтанно и непоследовательно. Это подтверждают и исследования социальной структуры российского общества, проведённые в последние годы, фиксирующие её крайнюю неустойчивость, аморфность, неопределённость. (В этом смысле весьма показательны прошедшие недавно выборы в Госдуму, в которых приняло участие всего лишь 47,8 % – менее половины взрослого населения страны, имеющего право голоса. Хотя некоторые проправительственные СМИ бодро утверждают, что такое отношение к выборам – это не форма выражения протеста, а наоборот, согласия. Видимо, власть в своём самоуспокоении исходит из принципа «молчание – знак согласия».) Такие тенденции, отражаясь в общественном сознании, объективно порождают массовое ощущение несправедливости и безысходности (в случае с выборами – предопределённости) происходящего, что не может не дискредитировать политику реформ.

Важно понимать, что проблема справедливости неразрывно связана с вопросом социального равенства и неравенства в конкретных исторических условиях. Безусловно, модель общественного устройства, в которой бы можно было реализовать полное равенство – это утопия; более того, в этом нет никакой необходимости. Люди от рождения обладают разными способностями. Талант – в значительной мере не личное, а общественное достояние. Вместе с тем он имеет право на бóльшее вознаграждение. Вопрос в том, как должны вознаграждаться одни, с их одарённостью, предприимчивостью, инициативой, и другие, у кого этого нет.

При этом отнюдь неправомерно подменять справедливость равенством. «Справедливость – это доступность для всех слоёв и отдельных граждан государства образования, медицинской помощи, продуктов питания, учреждений культуры, баз отдыха и т.п. Но доступность всего перечисленного (воистину справедливая по своей сути) не означает и не может означать всеобщей уравниловки!» [Роголёв А., 2009]. Подлинный расцвет и высокий уровень благосостояния граждан во все времена базировались на ином представлении о справедливости. Созидательный императив поведения человека призывал его быть тем, кто он есть и должен быть от природных способностей и приобретённых знаний и умений. Вся культура и все достижения человечества создавались благодаря неравенству в одарённости людей и притом именно творчеством «высших способностей» [И. А. Ильин].

Таким образом, справедливость выступает как категория, с помощью которой характеризуется объективно обусловленная уровнем материальной и духовной зрелости общества мера равенства и неравенства в жизненном положении различных социальных общностей и индивидов. Справедливость,

соотнося людей и их поступки, определяет, в чём и как они непременно должны выступить как равные друг другу и в чём и как должны отличаться.

Одним из препятствий на пути строительства устойчивой общественной системы являются так называемые институциональные ловушки – неэффективные, но устойчивые социальные институты или нормы поведения. Можно выделить две такие ловушки, обусловленные российской культурной традицией и исторически сложившимся менталитетом нашего человека (доставшиеся нам в наследство от советского общества):

✓ *ловушка уравниловки* (её преодоление видится в создании ситуации подлинно равных возможностей (социальных лифтов), когда личные усилия, активная жизненная позиция и инициатива, а не происхождение или принадлежность к касте, расе или полу формируют различия в социальном и материальном положении людей; при этом государство обязано обеспечить минимально достойный уровень жизни основной части населения);

✓ *ловушка государственного патернализма* (одним из главных достоинств советского строя была высокая социальная защищённость, т.е. советские граждане привыкли к тому, что государство по-отечески брало на себя значительную часть социальных обязательств⁴ и теперь им трудно представить, что ответственность во многих вопросах лежит, прежде всего, на них самих).

Указанные ловушки тормозят общественное развитие, ведут к институциональному застою. Однако при этом нельзя было бросаться из одной крайности в другую: от ловушек уравниловки и патернализма – к ещё более глубокой ловушке социального неравенства. В уже упомянутом докладе Всемирного банка показано, как значительное неравенство внутри отдельно взятой страны – как материального, так и неравенства возможностей – приводит к растрачиванию человеческого потенциала⁵, и во многих случаях, к снижению темпов устойчивого экономического роста.

⁴ Снимая, таким образом, со своих граждан заботу о быте, советское государство предоставляло им возможность иметь больше свободного времени для культурного развития и самообразования. Однако такое положение сыграло в итоге злую шутку: в частности, чем больше советские люди имели времени для досуга, тем меньше они его тратили на самообразование (Подробнее см.: Патрушев В. Жизнь горожанина (1965 – 1998). – М.: Academia, 2001.). Т.е. одно лишь улучшение материальных условий жизни без соответствующего идеологического сопровождения и своевременной ценностной переориентации на определённый тип социального поведения не только не дало требуемого результата, но привело к обратному эффекту: омещаниванию советского человека, чьи мечты о строительстве общества равенства и братства сменились на идеалы личного благополучия (впрочем, это большая и отдельная тема, не составляющая предмет нашего анализа).

⁵ Уже более четверти века назад в 90-е гг. прошлого столетия на заседании Римского клуба был сделан доклад, в котором установлено, что успех и процветание государства зависит на 16% – от природных ресурсов, на 20% – от финансового капитала и инвестиций и на 64% – от человеческого капитала. Конечно, с течением времени и развитием технологий соотношение может меняться, но главный посыл остаётся неизменен: люди – главное богатство любой страны.

Институциональные ловушки неравенства возникают тогда, когда имущественное расслоение между отдельными людьми и различными группами населения приобретает хронический характер, как в рамках одного, так и для последующих поколений. Таким образом, неравными оказываются сами возможности развития человека. Подобное положение снижает мотивацию к индивидуальному самосовершенствованию и инновациям, а также замедляет прогресс общества в целом. В основе системы, закрепляющей социальное неравенство, лежат экономические, политические и социально-культурные механизмы, такие, как дискриминационные порядки, связанные с расовой, этнической, половой, групповой и др. принадлежностью. То есть, мы можем утверждать, что в основе социальной несправедливости лежит способ организации и воспроизводства несправедливых общественных отношений.

Так, по данным Global Wealth Report, Россия – лидер по неравенству распределения богатства среди крупных стран. 1% самых богатых россиян владеет 71% личных активов в России. Отрыв России по этому показателю просто невероятный. Вот как выглядит этот показатель неравенства в сравнении с другими крупными странами (доля богатства, которой владеет 1% населения):

- ✓ 49% – в Индии;
- ✓ 46% – в Индонезии;
- ✓ 44% – в Африке в целом;
- ✓ 37% – в США;
- ✓ по 32% – в Китае и в Европе;
- ✓ 17% – в Японии.

Если брать 5% самых богатых россиян, то и здесь Россия на 1-ом месте: они владеют 82,5% всего национального богатства страны. Самый наглядный показатель – миллиардеры из списка Форбс. У нас они имеют в частной собственности 30% богатств всей страны. В мире этот показатель в среднем колеблется в интервале 1–2%. В США, стране, где миллиардеров больше всего, их доля в общей совокупности личных богатств не превышает 7%.

Таким образом, основные тенденции развития российского общества состоят в углублении социального неравенства (экономического, политического, социального) и маргинализации значительной части населения. Углубляется неравенство между регионами, достигая соотношения 1:10. Увеличивается разрыв в оплате труда между отраслями хозяйства. Характерной особенностью процессов социального расслоения являются их чрезвычайная быстрота и биполярная направленность. Верхние слои, на долю которых, по данным разных исследований, приходится до 8% населения, все более резко обособляются от тех, кто концентрируется на полюсе бедности. Верхние слои сосредоточивают в своих руках как экономическую, так и политическую власть. В условиях слабости демократических институтов и гражданского общества, широкого распространения коррупции и теневой экономики это способствует укреплению олигархических властных тенденций.

Накладывающиеся друг на друга процессы – обнищания населения и растущего социального расслоения – приводят к возникновению гипертрофированных форм социального неравенства, создавая внутри одной страны две России, которые всё больше отчуждаются друг от друга. Мы наблюдаем «размывание» прежних границ классов, групп, слоёв в результате практически полного исчезновения зависимости между трудом и его оплатой, когда не важно – кто и как работает, а главное – где. Личные доходы, таким образом, больше не обусловлены результатами труда и объективными показателями экономического роста.

В большинстве стран средние слои рассматриваются как цементирующая сила современных демократических обществ в различных сферах. В области социальных отношений они являются той средой, которая способна «гасить» значительные противоречия между основными классами. В экономическом плане средние слои выступают носителями тенденции сглаживания противоречий между содержанием труда представителей различных профессий, городским и сельским образом жизни. В сфере семейных отношений они оказываются проводниками традиционных ценностей, сочетая их с ориентацией на равенство возможностей для мужчин и женщин в образовательном, профессиональном, духовном отношениях. В культурно-идеологической сфере эти слои представляют собой основу ценностной системы общества. В политическом плане для них характерен незначительный разброс вокруг центра политического спектра, что делает их и здесь оплотом стабильности, залогом эволюционного характера общественного развития, формирования и функционирования гражданского общества. Поэтому без преувеличения можно назвать средние слои подлинными гарантами социальной стабильности в современном обществе – их роль в этом качестве была бы особенно важна для современной России.

Наряду с «новыми богатыми» появились и «новые бедные». Хотя и ранее, в советское время в стране было достаточно малообеспеченных. Но более квалифицированный, более сложный труд оплачивался выше, чем малоквалифицированный. Образование являлось одним из основных структурообразующих факторов. Вузовский диплом был фильтром для продвижения в должностной иерархии. Это, в свою очередь, обуславливало и более высокую оплату труда, а также и долю привилегий в получении дополнительных социальных льгот.

Сопутствующие политическому переустройству экономические процессы – спад производства, безработица, инфляция – сказались на оплате труда, пенсиях, пособиях значительной части общества, привели к резкому уменьшению реальных доходов большей части населения (свыше 80% населения живут на доходы ниже прожиточного уровня, установленного правительством). И среди них оказываются люди по прежним меркам достаточно обеспеченные. Анализ социального состава «новых бедных» выявил присутствие в нём значительной доли высококвалифицированных специалистов, что позволяет прийти к выводу: рост слоя происходит за счёт

массового обнищания интеллигенции, считавшей себя ранее среднеобеспеченной, ядро которой составляют научные работники, учителя, врачи, руководители низшего уровня, инженеры и др. трудоспособного возраста.

По мнению лауреата Нобелевской премии по экономике Л. Клейна, такое положение стало результатом того, что в России в ходе реформирования был проигнорирован целый ряд важнейших условий микроэкономической стабильности:

- ✓ справедливое распределение доходов и собственности;
- ✓ обеспечение населения основными видами социальных услуг;
- ✓ создание необходимой инфраструктуры;
- ✓ поддержание высокого уровня занятости [Цит. по.: Пчелинцев О. С., 2003].

Хотя вот уже почти четверть века наша власть из года в год как молитву повторяет тезис о том, что главная задача государства (т.е. главная задача её, власти) – обеспечить экономическую свободу собственников и конкурентоспособность. Однако ещё Аристотеля отмечал, что высшая ценность для человека и общества – не экономическая свобода и конкурентоспособность, а именно справедливость. Все остальные ценности действуют во благо стране и народу лишь при условии, что не противоречат справедливости. «Понятие справедливости, – писал античный мудрец в своём трактате «Политика», – связано с представлениями о государстве, так как право, служащее мерилom справедливости, является регулирующей нормой политического общения» [Аристотель, 2012, с. 26; 253а37].

Поэтому важнейшей задачей социальной политики сегодня является забота о том, чтобы формы неравенства не превышали некие «нормальные» пределы, выход за которые грозит конфликтами и дезинтеграцией общества. «Норма» в данном случае «выступает как оценка того неравенства, которое соответствует условиям, когда практически всё экономически активное население имело бы возможность полностью реализовать свой потенциал, а остальной части населения был бы обеспечен вполне приемлемый уровень жизни» [Шевяков А. Ю., 2004, с. 57]. Так называемое «нормальное» неравенство создаёт стимулы для продуктивной конкуренции и эффективного использования ресурсов социально-экономического развития (критериями «нормальности» служат вышеперечисленные нами соотношения в разных социальных сферах).

Конечная цель происходящих в стране социально-экономических преобразований – повышение качества жизни не только в среднем, но и всех слоёв и групп населения, каждого гражданина, и, прежде всего тех, кто находится за пределами достойных условий существования. Базой достижения этой цели является интенсивный экономический рост в рамках структурных реформ. В частности, значительный интерес представляет разработка теории *функционалистско-органической информационной экономики*. На основе положений концепции принятия решений (прежде всего экспертных процедур) и информационно-коммуникационных технологий человечество способно

перейти к гуманистической (ориентированной, прежде всего на *реальные нужды и потребности человека*) и органической (*разумно планируемой* на основе современных достижений науки и техники) экономике, которая обеспечит человечеству мирное и гармоничное сосуществование, навсегда избавившись от регулярно повторяющихся экономических кризисов и высвободит его энергию и талант для решения множества глобальных проблем: от преодоления экологического кризиса и разоружения до освоения не только ближнего, но и дальнего космоса [Орлов А. И., 2015, с. 339–359].

Поэтому, в частности, в последнее десятилетие представители экономической политики ряда развитых стран противопоставляют государству благосостояния (the welfare state) социальное государство (the social state). «Сам по себе рынок не обеспечивает социальной справедливости и равенства... Есть два способа обеспечить социальную защищённость большинству: государство или само перераспределяет общенародное богатство, финансируя социальные программы, или обеспечивает человека возможностью самому заработать себе на старость, на случай болезни..., обеспечивая заодно и право выбора той или иной социальной услуги на рынке. Крайний вариант государства первого типа – СССР; классический вариант второго типа – США» [Гутник В., 2009].

Важно помнить, что для достижения социального консенсуса, при котором только и возможно преодоление экономического и политического кризиса, необходима интеграция совместных усилий всех социальных слоёв. Согласие, социальное партнёрство как универсальный способ стабилизации всей системы, снятия напряжённости и разрешения конфликтов в современной России, в условиях утверждения рыночных отношений, становится объективной необходимостью и потребностью.

Таким образом, в основе перехода нашей страны к открытому обществу должно лежать, прежде всего, духовно-нравственное реформирование и созидание новой гуманистической системы социальных ценностей с опорой на принципы социальной справедливости и их *органического единства* как на индивидуальном, так и на социальном уровнях. Это поможет нашей стране модернизироваться, сохранив *свою самобытность и суверенность, своё православное лицо, принципы коллективизма и соборности*, учитывая при этом *интересы и потребности каждой конкретной личности*, развиваясь не только в политико-экономическом и научно-техническом, но и в культурно-нравственных отношениях.

Литература

- Аристотель. Политика: [пер. с древнегреч.] / Аристотель. – М.: АСТ: Астрель, 2012. – 393 с.
- Гутник В. Социальное государство: тупик? Возможность обновления? / В. Гутник. – [Электронный ресурс]. – Саранск, [2009]. – Режим доступа: <http://ps.1september.ru/1999/35/5-2.htm>. – Загл. с экрана.

- Дейли Г. Поза зростанням. Економічна теорія сталого розвитку / Г. Дейли. – Київ : Інтелсфера, 2002. – 298 с.
- Кейнс Дж. М. Обща теория занятости, процента и денег / Дж. М. Кейнс. – М.: Гелисо АРВ, 2012. – 352 с.
- Кудрявцев В. Н. Механизмы социальной деформации / В. Н. Кудрявцев // Вопр. философии. – 1989. – № 11. – С. 3–13.
- Майерс Дж. Социальная психология / Дж. Майерс. – 7-е изд. – СПб.: Питер, 2010. – 794 с.
- Миллс Р. Властвующая элита / Р. Миллс. – М.: Иностран. лит., 1959. – 543 с.
- Орлов А. И. Функционалистско-органическая (солидарная) информационная экономика – экономика без рынка и денег // BIOCOSMOLOGY – NEO-ARISTOTELISM, 2015. – Summer/Autumn Vol. 5, Nos. 3&4. – С. 339–359.
- Пчелинцев О. С. Двенадцать лет преобразований экономики России: правильно ли был поставлен диагноз? / О. С. Пчелинцев // Проблемы прогнозирования. – 2003. – № 3.
- Рогалев А. В поисках социальной справедливости / А. Рогалев. – [Электронный ресурс]. – Саранск, [2009]. – Режим доступа: <http://7days.belta.by/7days.nsf/last/51161CB1F16E3F9E422569A1004EE1C8?OpenDocument>. – Загл. с экрана.
- Сомкин А. А. Целостная личность и современный социум: единство и оппозиционность: монография / А. А. Сомкин. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2010. – 192 с.
- Старжинский В. П., Мушинский Н. И. Конструктивно-феноменологический подход к построению социальной онтологии на основе принципа справедливости // Вопросы философии, 2016. № 1 С. 188-195.
- Фролов Д. Е. Активность личности студента (аксиологическая концепция в комплексном социологическом исследовании) / Д. Е. Фролов, В. И. Малкин. – М. : Универсум, 1994. – 383 с.
- Фролов Д. Е. Философская концепция «нового мышления» К. Гюнцля // Западная философия в XX веке / отв. ред. Н. С. Савкин. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1996.– С. 133–145.
- Шевяков А. Ю. Экономический рост и неравенство / А. Ю. Шевяков // О-во и экономика. – 2004. – № 2. – С. 56–68.
- Günzl Ch., Bewältigungen der Vergangenheit und der Zukunft durch “Neues Denken”. Linz: Universitätsverlag R. Trauner, 1992. – 190s.
- Luhmann N. Wie ist Bewusstsein an Kommunikation beteilung? // Luhmann N. Aufsätze und Reden. – Stuttgart, 2001. – S. 119–121.